

Галина Щекина
ДРЕЙФ

Галина Щекина

ДРЕЙФ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38837132

ISBN 9785449310804

Аннотация

Проза Г. Щекиной – поле эмоционального экстрима. Тут бушуют страсти, описанные довольно смело, автор не боится правды, в то же время любит своих героев. Это и бесшабашный студент, закосивший от армии, и женщина в борьбе с офисной рутинной, и парень, спасающий собаку на дороге, и пенсионер перед компьютером. Человек и компьютер – в центре внимания. Компьютер есть у всех, а как его покорить – это зависит от доброй воли персонажа. Главное, как долго продлится дрейф перед скачком в новый мир.

Содержание

К читателю	5
Он мой	8
Хранитель экрана	22
Улыбка на разломе	32
Люк	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

ДРЕЙФ

Галина Щекина

Комментарии Светлана Чернышева

Обратная связь Написать dailary@yandex.ru

Редактор и корректор Нина Викторовна Писарчик

Обложка книги Изображение взято с сайта <https://pic2.me/wallpaper/125056.html>

© Галина Щекина, 2019

ISBN 978-5-4493-1080-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К читателю

Многие читатели за метят, что герои этой книги – люди необычные. У них экзотичные имена —Фейга, Иона, Карен, Отрада, Дружана, Флегонт, Идея – и у них странное поведение. Они попадают в острые ситуации, но выходят из них, стремясь к более высокому уровню жизни. В действии участвуют человек и компьютер. Дрейф и бездействие продлятся недолго.

Книга» «Дрейф» Галины Александровны Щекиной – это попытка разобраться в непростой современной жизни. Все истории всего лишь частички большой «мозаики», которые можно связать общими героями, проблемами и ситуациями.

Рассказы вполне могут существовать и отдельно, суть не исчезнет, останется и проблематика. Но прочитав всю книгу, ты понимаешь, что автору хотелось показать разных героев по социальному статусу, возрасту и увлечениям. Хотя есть и общее, это некое бездействие, порой даже невозможность поменять что-то в своей жизни, сделать усилие, просто признаться...

Каждый персонаж очень типичен для нашего времени. Но не герой важен, а то, что он показан через призму современности. Теперь открытия делаются дома на диване, а компьютер становится незаменимым атрибутом. Он вроде бы ещё не бог, но технического помощника крестят, пусть да-

же в шутку. У автора хорошо с юмором, поэтому» компьютер оказался честнее и вежливее человека, пусть даже он спрашивал по три раза, но зато и исполнял все, что захочешь... Кстати, там есть даже иконки, конечно, они не такие как на гобеленах, но приносят успокоение: помогают найти работу, отправить рукопись, решить финансовые вопросы. И ударом становится не то, что герой теряет большие возможности, а то, что отсутствует интернет в новом дрейфующем состоянии.

Автор любит своих героев, а поэтому верит – всё впереди. К тому же и они порой способны удивлять. Вспомните хотя бы парня, ненавидящего собак. Он бросается на помощь, по-человечески пожалев беременную. Парень не способен пройти мимо человеческой беды.

Книга удивляет и яркими эпизодами с интересными деталями: рыбки в аквариуме, грибочки на вилочке... Вроде бы случайные описания, но образы не оставляют читателя, заставляют переживать. А как иначе, когда герой в неадекватном состоянии начинает хлестать иконы. Хочется, сопротивляться. Может не туда катимся, потому что имя Бога упоминаем все, да и покушаемся на самое святое. Может, стоило разбить нового технического помощника? И сразу бы стали ближе друг к другу? Думай, читатель! Решай сам, современник! Правда, если у тебя есть этот выбор, сделать ли скачок. А уж кого ты возьмешь в свое новое свершение- решать самому. Хотя если ошибешься, то потом скажут, что одна-

жды Галина Щекина всех предупреждала... Никто не виноват, что просто не растолковали вовремя...

Светлана Чернышева, Вологда

Он мой

Об этом Флегонт мечтал давно! Чтобы не ходить, не кланяться, деньги сумасшедшие без конца не платить. И чтобы все, как он хочет. И чтобы все дома! Квартирка у Флегонта Федоровича маленькая, но приятная. Мебели мало, лишь самое главное – тахта, шкаф с книгами, кресло у окна, телевизор. На расстоянии протянутой руки – книги любимые, в уголке – антикварные, есть даже редкие – записная книжка знаменитого авантюриста, это надо для работы. Алкоголь Флегонт Федорович не любит, но рюмочки под старину в шкафу сияют, и настойка в баре всегда-с. Флегонт Федорович немолод, разведен. С дамами, кстати, великодушен и ласков. Флегонт высок, статен, сед и импозантен – любит замшевые туфли, пушистые джемперы.

Флегонт в прошлом стоматолог, ныне на отдыхе и лишь изредка работает по договору в медицинском центре. Свободное время жизни решил потратить на высокое: с головой ушел в архивные изыскания и книгу историческую начал писать. Написать дельную вещь трудно, опубликовать тем паче. Обратился в одну фирму – остался не доволен. Слишком дорого берут за набор! К тому же рукопись так отредактировали, что замысел оказался полностью разрушен! Автор тоже.

Флегонт пережил глубокую душевную травму и решил купить компьютер. Близкий человек Паисия Павловна мягко

возразила:

– Бесценный Флегонт! Ты решил продать душу дьяволу?

– Что ты! С чего и взяла? – столь же мягко удивился Флегонт.

– С того. Это его, дьявольское, наущение. Ты ему доверишься, а он душу и возьмет. Взамен на букочки. – Паисия быстро пошла в атаку.

– Но, Паисия! Когда ты покупаешь дорогие книги, косметику, наряды – тебя никто не осуждает! У тебя дома DVD-плеер – может быть, тоже наущение дьявола?!

– Ты купишь злую машину, и мы вовсе отделимся! – аргументы Паисии лишались логики, но наполнялись экспрессией.

– Но, как же писать? – честолюбие литератора начинало выходить из себя.

– Как Гоголь писал? Гусиным перышком. – Паисия тонко намекнула на знание классики.

– Это долго. — Флегонт хотел поставить любительницу видео наместо.

– Зато как у классиков. – Любовь к видео не мешала Паисии оставаться консерватором. То, что было полезно ей, она наущением не считала.

Флегонт ничего не имел против Гоголя, но выступление Паисии Павловны его огорчило. Он мельком глянул, как она хладнокровно расчесывает свои крутые локоны цвета «бриллиансблондоран» и отвернулся.

Он стал копить деньги тайком. Он же видел, как барышня в фирме отстукивала страницу за страницей, тут же распечатывая их в немыслимом количестве. Гоголь вряд ли стал против этого возражать, тем более – он тогда не смог бы сжечь таинственный том «Мертвых душ».

В уже известной фирме, облегчившей бумажник Флегонта, довольно быстро узнались адреса фирм, которые продают компьютеры, и даже тех, которые сами их составляют из отдельных частей. Флегонт походил, полистал проспекты, и ему показалось – все очень дорого. Еще целый год подрабатывать плюс ничего не есть, не говоря уж о выезде на морской берег, такой полезный для здоровья. Перспектива лишиться всех удовольствий жизни Флегонта никак не устраивала.

Он был задумчив и не скрывал своей озабоченности, когда к нему на прием пришел веселый молодой человек, полный, в усиках, ямочках и в короткой дубленке с белым подбоем. Пациент открыл рот и договорился с Флегонтом о цене новых протезов и заодно сделал ненавязчивую рекламу своего бизнеса. Флегонт был поражен и высоко поднял черные брови, которые, при седых висках, делали его похожим на актера.

– Вас никак провидение посылает? – прошептал он.

Ибо пациент по имени Боб Корицын оказался представителем компьютерной фирмы. Боб согласился на рассрочку! «И не гонитесь за ноутами, – заметил он, разглядывая в зер-

кальце новую пломбу. – Они быстро ломаются. Берите стационарный вариант».

Наступили дни невероятных треволнений Флегонта Федоровича. Второй раз он звонил на ресепшен медцентра и переносил прием, поскольку ожидал автомобиль с компьютером. О, музыка новых слов, новых предчувствий! Боб Корицын, получив новые зубы, видимо, совершал чудеса не для одного Флегонта, поэтому на месте его было трудно застать. И вот, наконец, дэу седан серебряного цвета тихо затормозил у подъезда Флегонта Федоровича.

Все немислимые надежды Флегонта на литературную славу – они покоились в легких белых коробках, а в квартирке уж и черный стол широкий приготовлен, и ножки укорочены, и черное кресло с крутящим моментом куплено... Два красавца, которые все эти коробки доставили, с Флегонтом много не беседовали. Он, было, предложил им наполнить рюмочки под старину, познакомиться, а они отказались.

– Меня зовут Фрэд, а его Зимин. Познакомимся в процессе обслуживания. У нас еще пять адресов, отец. Мы не дед Мороз. Мы все подключили, жмите на «сеть» и вперед.

Флегонт растерянно сам отпил из рюмочки. Ему хотелось, чтобы «окна» полетели не только на дверцах благословенного автомобиля, но и на экране компьютера... Он долго сидел в кресле с крутящим моментом и страстно ожидал, что компьютер включится сам, но чуда никак не происходило. Радо-

сти обладания он не ощутил. Нажал на кнопку. Загудело, замигало, но едва он тронул клавиатуру, монитор погас. Боже мой, куда подевалась поэзия? Где полет души, устремленной к другой душе? Все было черно, только «окна» летели, те самые, что на дверцах седана...

Флегонта охватила сильная тоска, и он, не выдерживая неземного свечения дисплея, нажал «сеть». Радость обладания опять ускользнула. Он лег спать, грустно понимая, что придется идти на обучающие курсы.

Курсы находились в другом конце города, ехать тремя автобусами. Длились три месяца. И начинались тогда, когда Флегонту пора было ехать в Москву и встречаться с профессором по поводу будущей книги.

Пришлось снова звонить.

– Зимин у аппарата. Могу помочь?

– Конечно, можете. Помните, вы привезли компьютер и исчезли?

– А, это вы, отец. Все работает?

– Нет, видите ли...

– Как нет? У вас все правильно подключено.

– Прошу вас, поучите меня. Я не умею. Я заплачу.

– Там есть обучающие программы. Мы же вам поставили минималку, Мозиллу, Майкрософт Офис. Нажимайте «сеть», помощь и все. Эф один, ясно? – Голос Зимина был бодр и звонок.

– А если не смогу? – голос Флегонта стих до ультразвука.

– Тогда попросите старого приятеля показать азы. Сейчас везде компьютеры.

– Благодарю, – прошелестел бедный стоматолог.

Откуда разбойник Зимин знал, что у Флегонта есть старый приятель?

Прияатель, главврач поликлиники, существовал реально, но он был занят и расстроен. У него что-то нехорошее творилось в административном секторе, где сидели экономисты, программисты и юристы. Кто-то там накалял атмосферу похитрому, коллектив рушился, служащие увольнялись каждые три месяца. – Наверно, бухгалтерша. Как окончила второй институт, так пошло. Что ей надо? Врачи меньше ее получают... – рассуждал главврач, хрустя белым халатом.

– Тебе что, Флегонт? На прием провести?

– Программиста не выделишь? Я компьютер купил. Пусть бы лучше домой пришел.

– А... Ладно. Тут у нас хороший практикант есть, сын одной... пациентки.

Флегонт тактично поставил на подоконник коробочку с коньяком и, затаенно улыбаясь, исчез.

Мальчик пришел в тот же вечер. Дорогие очки и снежинки на длинных, по плечи, волосах выдавали в нем человека повышенных запросов.

Он сбросил на пол светлую кожаную куртку и по ковру пошел в белоснежных носках, хотя сам был весь в черном.

Он шевельнул плечами и обнял процессор и дисплей сразу. Кнопки он тоже нажал практически все сразу, так что Флегонт задрожал от ревности и тревоги. Какое-то магическое слово повторял этот знаток компьютеров...

– Олдмен, ты что умеешь?

– В том-то и дело, что ничего. Мне бы хоть включать, выключать...

– За кого держишь, олдмэн? Я могу и программщину смелить.

– Зачем? Вы только покажите, что нажимать.

– Олдмен! Нажимать не надо. Ты лишь касайся слегка, будто обжигаясь, ес? Посадишь клавиатуру. Это тебе не коробка скоростей.

– Хорошо, хорошо, я тихо.

– Смотри, олдмен: так, так и так. Записывай, что на десктопе: с этой стороны текстовые дела, ворд, паблишер, с этой изображения —фотошоп, просмотровики. Тут интернет. Подсоединил?

– Не знаю.

Компьютер захлопал глазами, запестрил картинками.

– Ну, молодой человек. Вы —потише.

Все повторилось с той же быстротой. Замелькали какие-то пластинки.

Молодой человек совал их в щелку, и по экрану побежали гоночные машины, загремели выстрелы, закричали убитые солдаты. У Флегонта даже сердце стало заболеть. Он

не любил войну.

– Это зачем, простите?

– Как зачем, олдмен? В игрушки играть. Расслабляться.

– Ну, хорошо. Но мне нужны тексты, я литератор, поймите.

– О-кей, олдмен. Вот тебе ворд, блокнот, паблишер, пейнбраш...

Прошел час, а дело не ладилось. До этого было все быстро, хлестко, а здесь явно началось типичное не то.

– Ах, нет, альдус не ползет. Памяти мало.

– Но, что же делать? Я буду книгу писать, поймите, она будет толстая, страниц триста...

– О-кей, олдмен. Я тебе поставлю другие окна.

Пальцы мальчиковы бегали и летали над клавиатурой, как у пианиста Рихтера. Мальчик смеялся и разговаривал с компьютером на «ты», усмехался и спорил, обзывая его «керосинкой». Компьютер сердился в ответ и выставлял жуткие таблички красного цвета, обозначая беду. Флегонт не понимал слова «эррор», но, по аналогии со словом «аборт», догадывался. Наконец все замерло. Мальчик задумался.

– Экскюзми, олдмен, система подавилась. Придется делать перезапуск... Так оно работает. А то купи памяти побольше. Просидел у тебя...

Флегонт заплатил деньги и лег на тахту, укрывшись пледом с головой. Какая там литература?! Он удалялся от литературы куда-то в космос. О чем думал его однокашник, он же

главврач? Ему ведь сказано было – научить, а он прислал какого-то шоумена – олдмен, ес... Он взял валидол в рот и стал сдерживать слезы. Не плакал пять лет, и – здравствуйте... Олдмен! Старик! Неужели, правда – дьяволово наущение?

Еще неделю Флегонт Федорович терпел, не сомневаясь, что положено растить в себе библейское терпение. Он-то сам не плакал, это его деньги, заработанные на зубах, это они плакали. Он перестал ходить в медцентр, он просто сидел и писал шариковой ручкой новую главу. Приходила робко Паисия Павловна, варила что-то и уходила так же тихо. Она не приглашала смотреть любовные истории и не спрашивала, купил ли он, наконец, «Гордость и предубеждение», обе версии. Она грустно молчала, но вид у нее был именно такой: «А что я говорила?». Флегонт был далек от того, чтобы наполнить рюмочки под старину и просить ее задержаться. Так далеко можно уйти только в себя...

Через неделю после мальчика в белых носках он скрепился и снова позвонил Бобу Корицыну.

– А, это вы, милейший. Ну, как, все работает?

– В том-то и дело, что нет. Но я тут купил плату, чтобы усилить... память... Вот, и поэтому я покорнейше прошу вас... но не ваш сервис, а вас лично... посмотреть, годится ли она для... мм... для моей программщины.

Видимо, директор был потрясен. В рубке пищали сигналы, играла музыка при соединении с другими внутренними телефонами – адажио Чайковского, а Боб молчал. Флегонт

Федорович встревожился.

– Господин директор, вы живы?

– Нет, милейший, почти не жив. До меня как-то не доходит, почему новая машина с установленными патентными программами не работает, а вы еще требуете поставить плату... Да зачем она вам? Вам всего-то надо десять страниц текста создать, зачем же вам еще плата? Вы смеетесь? – В голосе Боба загудел ток высокого напряжения.

– О, я вам все объясню. Тут целиком моя вина. Машина прекрасная, в ней были хорошие окна, но тут кое-кто вмешался... Мы... давайте все сделаем, как было, я это профинансирую... Приезжайте же.

Боб приехал быстро на серебряном дэу седане. Он выслушал жуткую историю про мальчика в белых носках, перезапустил те же окна, потом спросил, где пресловутая плата.

– Она вам ни к чему. Давайте я ее сдам, вы прибавите мне еще столько же, и я привезу вам принтер... который печатает. Он не будет визжать как лесопилка, он лазер. С инструкцией...

Этому человеку Флегонт доверял. Он открыл рот, чтобы попросить помощи, но смог выговорить лишь:

– А помощь – это Эф один?

Боб был человек неглупый. Он внимательно оглядел Флегонта, его седой благородный облик, сделал на щеках ямочки и сказал:

– Эф один я вам пришлю. И позвоню – как помогло. И смею вас уверить: наши победят, Флегонт Федорович. У вас в творчестве проблемы есть?

– Представьте, да. У меня герой выходит совсем ненормальный. Хотя был выдающийся человек, талант, но очень уж агрессивен. Боюсь, как бы не получилась клиника. Тут ведь я о нем не как врач пишу, а как рассказчик. Кроме того, у меня есть замысел книги, про хироманта, я, знаете ли, уже создал блок рассказов. Просто не знаю, как это объединить. – Флегонта растопило и унесло простое человеческое внимание.

– Так и не надо клинику, Флегонт Федорович. Поищите человеческий фактор, объясните не с медицинской точки зрения... Техника, как и наука, не всеильна... И с творческими вопросами сходите к писателям, они в этом лучше секут. Они заседают в музее таком-то.

– Пожалуй, стоит попробовать.

Привезли принтер, сами подсоединили. Интернет проверили – есть. Сотрудник Зимин сразу раскрыл карты и показал включение. При этом он улыбался углами рта и даже согласился выпить рюмочку. В прихожей он пожал руку Флегонту и тоже произнес сакраментальную фразу о человеческом факторе, из чего обладатель технического чуда заключил, что такого сотрудника можно побеспокоить еще раз. Дальше стала раз-два в неделю приезжать на дэу седане Ли-

за, секретарша Боба, похожая на кинозвезду Скарлетт Йоханссон, и деревянно пояснять:

– Нажмите это... Запишите. Потом это. Зачем? Один раз. Куда? Что от вас мышшь-то как убегает... Да она на коврик должна быть, скользко ей... Вот и купите коврик, приклейте его к столу...

Когда он предлагал ей аванс, она отрицательно мотала головой:

– Зачем? У меня зарплата высокая... Выше вашей...

Флегонт приклеил коврик, он перестал падать на пол, и приручение мыши пошло легче. Она уже не стреляла, как бешеная, по диагонали монитора.

Флегонт торопился, все записывал. Он боялся, что его бросят один на один с чудом техники, и ему снова придется убедиться в своем убожестве. До него постепенно дошло, как ориентироваться в диспетчере файлов и внутри текстовых окон. Там стрелочки тактично подсказывали, куда плыть, прямо как в детской игре казаки-разбойники. Такой это азарт, такая гонка волшебная, что не помнишь ни лет своих, ничего...

Потом они с барышней Лизой ликвидировали целый выводок двойников.

– Обычно программа не разрешает одинаковых названий, – удивилась секретарша, – просто замещает один файл другим или автоматически закрывает их. А тут сохраняет, надо же – жалеет вас, что ли? Как он терпит ваши выходки,

не понимаю. Тут же по десять штук одинаковых.

Они стали зачернять, ненужное, и удалять. При этом компьютер все время выставлял кроткие надписи: «Действительно ли удалить?».

– Я не пьян, – засмеялся Флегонт, – зачем он спрашивает сто раз?

– На всякий случай, – ответила барышня Лиза, – защита от дураков, которые бьют копытом, не глядя.

Компьютер оказался честнее и вежливее человека. Он спрашивал по три раза и исполнял все моментально. Флегонт с трудом удерживался, чтобы не поклониться ему после окончания работы. А крестить – крестил, когда спать ложился.

Флегонт переставал путать файлы и директории, сам открывал и закрывал их, переименовывал, робко ставил абзацы и начинал менять шрифты. Всякий раз при отдельной операции он сверялся со своими шпаргалками и следил, что выходило. А выходило то, что он и хотел! Господи, какое это счастье! Большое, человеческое...

Особенно захватывающим оказалось знакомство с файнридером, с хорошим читателем, то есть. Провел эдаким широким экранчиком по газете – стоп – нажал кнопку. Потом табличка: «Ждите. Идет сканирование». Флегонт важно кивнул. С ним обращались благородно. При таком обращении можно ждать и вечность. Потом полосочка: «Готово сорок

девять процентов текста... Девяносто... Сто». И вспыхнул готовый текст, который бы он печатал дня три. Табличка. «Хотите переслать в ворд?»

– Хочу! – крикнул Флегонт, но Лиза указала на кнопочку: «О-кей».

– Говорите на его языке. Опять подождите. Переслали текст. Сохранили. Разбили на страницы.

За считанные минуты все. Тут Флегонт захлопал в ладоши, как дитя, и закричал ликующим голосом:

– Боже мой! Он слушается меня! Понимает! Он мой!

В душе его пели трубы. Нет, пожалуй, не трубы, а настоящий орган. Богатство жизни водопадом хлынуло через эту волшебную воронку...

– Интернет подключен безлимитно, можно входить. Собственно, вот значок с лисьим хвостиком... И все. Что непонятно – позвоните. Я вам перешлю... Да нет, я на декстопе оставлю иконки, как входить на литературный ресурс, как на поиск. Привыкнете.

Стоящая у плиты Паисия уронила половник на пол. «Наущению» не было конца. Может, пора купить еще один коврик для мыши?..

Хранитель экрана

Однажды Зимин, не любящий дикую природу, попал на загородную вылазку. Компания была слишком большая, и он скоро отделился. И отделилась молчаливая девушка, с которой никто не разговаривал. Все пили, хохотали, падали на траву, короче – жили в полную силу своей бешеной юности, а эта девица в длинной юбке, в джинсовой панамке, с вязаным рюкзачком, кажется, Нудьга была ее фамилия – сидела как в зале ожидания. Зимин потащил ее за руку в кусты и стал расспрашивать, о чем она все мечтает... Тем временем полил дождь, и они побежали под деревья. При ударе грома стало понятно, что деревья не спасут. И спиной друг к другу выжимали одежду. От холода их бросило в объятия, вот так они и познакомились под грозовые канонады. И тут Зимин увидел, что у нее радужки глаз сиреневые, как фиалки, цвет просто невысказанный.

Будучи скромным лаборантом-менеджером ВЦ, имея доступ к запчастям, смысленный Зимин сам себе делал компьютер. Работал увлеченно, и его компик азартно наращивал характеристики. Сначала саунд бластер, колонок четыре, потом SVGA самый большой, потом модемы-тудемы, пишущий сидиром, разнообразные текстовые и фото-редакторы, геймы и психодиагностика. Только принтер он не мог сделать, принтер у него был плохой, струйник. Когда являлась

девушка с фиолетовыми радужками, Зимин бормотал «сейчас-сейчас», все еще лазая по конфигам и аутоэкзэкам. Девушка Фая Нудьга так и не разговорилась с летней вылазки, она просто бралась прохладной ладошкой за его плечо, а он, приручая одной рукой дико скачущую мышь, другой рукой прихлопывал эту ладошку.

И понимал – молчаливая скво, это мечта любого мужчины. «Сейчас, сейчас»... Все бросалось на полпути. Оставался лишь хранитель экрана – заставочка с Робинзоном. Тот маялся на своем острове, скреб макушку, смотрел на них насуплено и требовательно. А они садились на диван рассматривать ее картинки. Она страшно любила их вертеть – по часовой и против часовой, наискось да издали, Зимин даже боялся, что она окосеет. В магазинах было сколько хочешь альбомов с этими штуками, но ей мало было альбомов, она хотела сама научиться созвать эффект. Чтобы в цветной, колющей глаз пестроте проступали самые неожиданные фигуры. Она училась рисовать и ходила в платную студию. Зимин бегло комментировал, и опять устанавливалось молчание. Было понятно, что пора. Зимин кусал губы – островитянин метался по острову, хрустя ракушечником. Островитянин кидал в море бутылки – Зимин ронял альбом. Зимин расстегивал пуговицы – островитянин крякал, как дурак, бросая кокосы с пальмы. Фая Нудьга начинала мелко дрожать от смеха... Островитянин неистово ждал яхту... Яхта проплывала мимо, и он, пьяный, снова выходил из-за сво-

ей пальмы. Хрустел, кричал. Их все время было трое. Он, она и хранитель.

– Зачем он все ходит?

– Да затем... – бормотал не совсем одетый Зимин. – Для экономии энергии.

Хранитель экрана – это программа заставки, которая выносит на рабочий стол в режиме бездействия минимальное заполнение в изо. Но так было раньше! Когда Зимину было двадцать лет. Когда были ЭЛТ-мониторы, на них падало напряжение на высоковольтную цепь ввиду низкого соотношения видеосигнала, и, таким образом, монитор работал вполсилы. Позже, когда появились жидкокристаллические мониторы, надобность в хранителях отпала, но у некоторых пользователей они остались ввиду ностальгии.

Да нет, это никого не смущало. В мире царила свобода, и влюбленные замирали, целуясь в троллейбусах, в кафе, в кинотеатрах и на конференциях. Но все-таки Зимин вскочил и заменил хранителя. Может, у него ночь настала на острове! Пусть лучше диск играет... Икогда глухо и грозно зашумело море, обдало брызгами и музыкой Вангелиса, полураздетая Фая Нудьга медленно обернулась и замороженно уставилась в дисплей. «Еще», – прошептала она. Зимин понял, что у него есть сильный союзник.

Зачем он все ходит? Что ему нужно?

Дело в том, что девушка не оказывала ему никакого сопротивления. Но она приходила не тогда, когда ее ждали,

а когда ей самой хотелось, она была слишком независимой. Это сбивало с толку. Поэтому она могла не прийти еще сто лет, и Зимин, замерзая сердцем, начинал уже куда-то звонить, искать, чтобы обнять девушку на фоне грозы. Это острое ощущение. И девушка в этой ситуации воспринимает тебя спасителем мира. Кругом гремит так, что нервные окончания вибрируют, звук идет на квадрат, а посередине этой гремящей стихии хрупкое бесшумное тепло. Любимая!

Зимин был парень любознательный и занялся тогда «телохранителями». И когда неуловимая Фая снова села на диван рассматривать свои картинки, в комнате вдруг ударил гром. И ничего, никакой музыки. Только гулкий дождевой шорох, треск листвы, плеск и рев воды. В комнате сразу стемнело. Лес во время грозы. Или та река на вылазке. Как там: «Реве та стогне Днипр широкий»? Нудьга – это значит тоска.

Когда Зимин стал пробираться по малой жилке к уху, сверкнула молния по гигантской диагонали – и опять гром. Трепет единственного мига. Сигналы идут с неба. Она боится, она вся в твоей власти, и ты почти всесилен. По крайней мере, сегодня, когда она из-за погоды не может уйти и останется на ночь.

Тебя заливают теплом, веки смыкает медом, а оно как грохнет. Или, наоборот, звук поцелуя выйдет бесстыдно громким в тот момент, когда в колонках только дождик шелестит. И что самое любопытное – внешне компик помогал соблюдать дипломатию, он был союзником. Тут на диване

грозовая лирика, а у Зимина, допустим, родители приходят. Около экрана уже светская беседа, какую-нибудь психушку строят молодые люди при всеобщем хохоте или по пещерам бегают, отстрел монстров ведут. Все пристойно... А не шумел – хакер. Он беззвучно ставил таблички, заставлял работать дворником или приглашал в ФБР. Стоило при полной победе отвернуться на пять минут, и ты получал втык. Только что ты был крутой, имел регалии, и вдруг у тебя инфаркт, полный упадок. Все сначала. Ящик, который ты сделал сам, своими руками, начинал заноситься, учить своего создателя. А Зимин любил парадоксы. Все эти квейки, квесты, стратегии и авиасимуляторы – все это было не общение с миром, а всего лишь его модель. Модель для чайников, которые не ориентируются. А если по-настоящему... По-настоящему Зимин мог посидеть у компа только ночью, когда плата за сеть была минимальной, и можно было гордо реять в пространстве.

В этот раз молчаливая Фая Нудьга пришла рано и долго не могла найти себе места. Она шелестела книгами, перебирала в шкафу, спрашивала о чем-то из другой комнаты...

– Мм?... – переспрашивал Зимин, цокотя клавиатурой, шаря по директориям. Файл подкачки был уже маловат. Перелить, что ли, систему? Тормозит система...

– Дда... – тормозила Фая Нудьга.

Ее файл подкачки сходил на нет. Она не то чтобы бы не любила компик. В данный момент ей даже выгодно было.

Ведь она не любила причинять боль. Она просто думала – ну, вот, все и кончилось. Она – часть системы. Систему можно перелить, хранителя экрана переставить и ее... А у нее, может, мысли. Фиалковые очи Фаи смотрели через заросли волос. У Зимина не вовремя систему заколодило.

– Энтишку поставлю и выключу, – бормотал он. – Ну же...

Энтишка не вписывалась. Изумленный Зимин, добравший на днях неплохой объем памяти, не ожидал, что машина эту память никак не увидела. Повелитель, привыкший к мгновенной покорности, был покоробен простым замедлением. И хлопнул в сердцах по клавиатуре.

– Если бы тебя так стучали... – намекнула Нудьга (и фамилия же у нее – не приведи Господи). – Ты, Юпитер, сердисься, вот все и выключается. Ты скажи ласково. Скажи уважительно, даже когда молчишь. Техника знаешь, как чувствует энергетику человека?

Это Нудьга намекала на себя. Но Зимин, ощущавший себя царем, являлся в данный момент лишь придатком компьютера.

– Вот ты и скажи, – пожал он плечом, – я в такое не верю. Он не человек, нет.

– Как нет? Он просто потемнел от тебя, Юпитер. Скажи ему... – Нудьга снизила голос. – Господин Великий Пентум. Мы тебя уважаем. Включи всю свою память, сохрани себя на диске, да помогут нам и земля, и небо, и высший разум...

Зимину стало смешно. Он вцепился в свой крутой ежик и начал хохотать. Потом включил перезапуск, и огоньки на дисплее замигали, поехали, побежали.

– Ты серьезно? – это он ей, не экрану.

– Более чем. Ты сегодня опять злой, я не могу, я пойду лучше.

– Что как ребенок! Закончу, и все будет изумительно.

– Не будет, – шелестела Фая Нудьга, – у меня нет кнопки перезапуска...

– А ты уступи мне.

– А ты мне...

Она ходила неслышно туда-сюда, прилегала головой к косяку, к стене, так и этак плечи не помещались, плоско не складывались на стене, что-то ее томило, не отпускало. У нее был излишек чего-то, чем хотелось поделиться, но девать это было некуда.

– Зачем летаешь, как моль? Подожди чуток.

Летанье прекратилось, все затихло. Зимин полетел вглубь мироздания, не дожидаясь ночи. Ушла – ну, и ладно. То же мне загадка. «Господин Великий Пентиум! Высший разум!» – разговорилась. Молчаливая скво, она должна сидеть и ждать, что скажет мужчина. Вот как картинки в фотошопе. Откроешь – смотрят. Закроешь – молчат.

Попалась старая летняя картинка. Зимин с братом и Нудьгой в летнем кафе «Панорама». Столики, пиво, тень от тополей, фонтанчик. Помнится, сидели там до ночи, смеялись

над чем-то. Зимины смотрели в объектив, а сиреневая фея куда-то вбок, как чужая. Точно так же, как тогда на природе, когда они познакомились. Есть же такие люди, везде им все неродное. Зимин вспомнил, как фотограф просил ее оглянуться, так нет, не слушалась... Да мы это мигом подредактируем! Будет смотреть туда, куда скажем...

Но что такое? Фая теперь смотрела прямо, но лицо ее стало неживым. У Зимина засосало внутри. Ведь испортил снимок, лопух, а оригинал остался у нее. И сохранил машинально. Все было здесь – джинсовая панамка, сарафан, шашлык в руке, подбородок с высоко расположенным ротиком, прямо где-то под носом, но глаз уже не было, губы побелели. Треугольное родное личико погасло. Да ерунда! Всегда так бывает, когда сканируешь цветное фото... Поправим еще, какие наши годы. Пора было идти в интернет бороздить просторы.

А потом Зимин так и не дождался свою молчаливую скво. В общежитии ее не было. Подружка по комнате сказала, она про Зимина наслышана. В тот день, в воскресенье, Фая лежала на кровати, уцепившись за спинку, сдерживая стоны. Ей явно было плохо. Потом умылась – и на вокзал. Она вообще-то живет без родителей, которые смахнули в Штаты подзаработать. Для маменькиной дочки Файка очень уж самостоятельная. Итак, Фая Нудьга уехала то ли в больницу, то ли в санаторий. Сказала – на новую ступень пора. У нее

есть своя программа самосовершенствования, все разбито по ступеням...

Раскосая подружка с непонятным именем – Олеолеу? – Зимин ее три раза переспросил – смотрела на Зимина с глубокой жалостью, как на тупого второгодника. И почему-то улыбалась.

– По каким еще ступеням?

– Не знаю. Это у нее в другом, заочном, колледже, в Питере.

Да, что она, в трех местах учится сразу? Институт, студия, колледж... Хватит уж морочить людей! Зимин без института на жизнь зарабатывает, а его утыкают?..

Еще Зимин понял, что промазал. Но неужели для того, чтобы это понять, надо было потерять? Обязательно пережить это разъединение, чтобы потрянул дискомфорт? Пока рядом – вкусно, как двойной омлет с ветчиной, как йогурт даниссимо, а исчезло – вышло унижение... Хотя еще неизвестно, на каком уровне ей задают энергетическую связь с компьютером, и во что ей обходится насильственный поворот глаз в такой системе. Может, просто она ему починила компик и посадила своизарядники? Зимин с его юностью, прагматизмом и четким ежиком всему искал именно такое, материальное объяснение...

На улице качалась снежная смесь, как будто в гигантском шейкере крутили коктейль. Все кругом целовались – в подъезде, на углу, на остановке. Зимин глянул на таблич-

ку и тут же забыл, какая улица. Он улыбнулся углами рта, пытаясь быть насмешливым, крутым... И не смог. Раздался сильный удар грома.

Улыбка на разломе

Олеолеу – звучит красиво, словно перелив радуги. Если нужна скорая помощь, то звук пронзительный. Если ничего страшного, то люди просто рады. Музыка дверного звонка? Ее можно считать ангелом телефона доверия. А она – просто кассир в кинотеатре, от киноцентра дали ей общежитие. А это хорошо, а то мама на особой работе. Когда ей говорят: «Иди сюда, Олька!» – она не обижается, зная, кто и зачем зовет.

Она невозмутимая и казахская. Толстые черные коски и приподнятые уголки глаз излучают уют и тепло. Она ходит в черном трикотаже, тонкая, четкая.

Многих обманывает ее улыбка, да еще румянец. Она же всегда улыбается, даже когда на нее орут. Охранник говорит: «Опять лыбишься, даунка». Киномеханик говорит: «Верно, жив был усатый с дулом, если свет я увидел с плачем, то улыбка твоя блеснула, да и как могло быть иначе». Карнеги сделал карьеру потому, что улыбаться умел.

Летом хотела ехать в деревню, но подруга Фая Нудьга внезапно исчезла, ничего не объяснив. Половину вещей бросила. Ее оставил любимый. Можно догадаться... Вскоре приехала из Алма-Аты тетя, беженка. Тете Регине пришлось временно пожить в общежитии. После покупки домика в березовом пригороде пришел черед компьютера.

Они объехали соответствующие фирмы, записав адреса. В тот день, когда деньги для тети были переведены и получены, случилась катастрофа. Прыгнул доллар. Банки закрывались, к окошечкам стояли очереди, а люди в ужасе хватали коляски и прицепы, бежали в магазины и на рынки. По улицам ехали мешки с крупой, солью, мукой, коробки с детским питанием, стиральным порошком и мылом. А у кого не было сбережений, тот только и мог, что улыбаться.

– Сожалеем! – сказали в одной фирме, – но у нас комплект не в сборе. Вы закажите, мы через два дня вам все оформим.

– Какие там два дня! – возмутилась тетя, – это будет в полтора раза дороже.

– Сожалеем! – подтвердила догадку фирма, поглядывая опасно на улыбку племянницы.

Поехали еще в три фирмы, но там тете Регине желтая сборка не понравилась. Хотя она не понимала в этом. Просто повторяла чью-то инструкцию.

– Москва тоже ничего не продаст в эти три дня, без пользы ехать.

В четвертой фирме лицо работника – знакомое. Хороший знак.

– Сегодня у нас весь склад опустел, – любезно сообщил менеджер Зимин. – Буквально ни одного неликвида. Ничего, что принтер не Хьюлет Паккард?

– Ничего.

Коробки влетели в тетин особняк с евро-розетками и, вы-
лупив темно-серые кубики аппаратуры, замерли на столах,
провода потянулись к стене. Тетя Регина боялась, но надо...

– Я попробую, тетя, – Олеолеу точно не боялась.

Она в кинотеатре давно печатала бумажки для админи-
страции, пока охранник играл в Хопкинс ФБР и Старкрафт.
Она напечатала: «Верно, жив был усатый идол...», аннота-
ции к «Сибирскому цирюльнику», «Кукушке», «Изображая
жертву»...

Тетя Регина – журналистка со стажем. Ее шоколадные лег-
гинсы, турецкая замша и пробежки по утрам всегда были
стилем жизни. Неделю она потратила на изучение кнопок
и клавиш – много. Еще через неделю позвонила племяннице
и сказала, что у нее пропало всё. На помощь!

Два часа пришлось тыкать пальчиками, чтобы понять:
странные, бесконечно пугающие ОоЕе – это не магический
повтор ее имени. Просто шрифты не те. Но в кинотеатре был
всего один шрифт.

– Тетя, ни за что не кидайте статьи в инструменты, не сме-
шивайте диски. Потом ничего не найдете. Вы же, вот, кос-
метику не кладете в ложки, вилки...

– Не умничай. Покажи, где ящичек для статей.

– Вот он.

Поездки в березовую рощу отнимали уйму времени.
Но тетя кормила картофельным пюре и подливала кетчупы,

подкладывала жареные баклажаны, подвигала кофе и суфле. Приходилось и ездить, и есть, и улыбаться. Хотя душа ныла все сильнее.

Накануне решающего похода в редакцию опять случилось нечто. Что-то она там нажала – не стало текста. Пропал текст, огромный, как айсберг. Комп не понимал ворд, ничего не помещал, не копировал. Позвонила тетя Регина Олеолеу, а та позвонила в фирму.

– Зимин слушает. Чем помочь?

– Все пропало.

– Ерунда. Привозите процессор.

– У вас же есть машина для сервиса.

– Мы не можем ко всем клиентам ездить...

– Мы на абонементе.

– Нет.

– Я подруга Фаи Нудьга. Помните? Вы пришли к ней, а она уехала. На вас лица не было.

Тихий шорох в трубке означал замешательство. Это имя стало для Зимина сакральным...

И Зимин приехал и все сделал. Распечатал статьи, все такое. Потом он стал приезжать каждую неделю и удивляться. Подолгу смотрел в процессор, сняв кожух. Сменил вентилятор, который почему-то не работал, от этого процессор быстро накалялся, и все зависало. Потом вызвал напарника Фр-

эда и организовал заземление. Потом он просил сесть к машине то тетю, то племянницу. Результат был потрясающий. У тети Регины машина врубалась после третьего раза, при этом работал только средний режим. У девушки процессор сразу сам включался на турбо.

– Э... как вас там?

– Олеолеу.

– Идите к нам работать, Олеолеу. Посадим на диагностику.

– Я же в кинотеатре. Мне надо во ВГИК. Михалков обещал.

– Сейчас, разбежится.

– Он уже фермеру дал на трактор! Все видели. Все же может! Что для него ВГИК какой-то?..

Зимин уехал на серебряном дэу седане.

Олеолеу задумалась. Ее совершенно не волновало никакое турбо. Она догадывалась, что люди ее используют, как выключатель. Даже тетя Регина, такая плечистая и стойкая, такая упрямая и прямая, которая не дружит с мамой Олеолеу, работающей в колонии для подростков. Значит, в самой Олеолеу нет ничего ценного, никакого человеческого фактора? А только, значит, диагностика? У Зимина холоднющие серые глаза, пепельно-русый ежик. Он, когда говорит с тобой, голову клонит на плечо. Ломается? Или незримая беда птицу подбила?

Еще через месяц они на такси вернули ему всю систему.

Зимин столько потратил сил для спасения чести фирмы, и вот тебе, на тебе. Он дал им другой, только что отремонтированный процессор и показал, что тот летает. Не мог же он дать им новый, они что, совсем? Через две недели все повторилось. Почему-то программы, установленные, как положено, на этом компьютере ехали и не держались. И никаких не было вирусов, Доктор Вэб ничего не говорил, Касперский молчал, и другие... Тоже ничего. А не работало. А привозили в фирму – все работало.

Зимин пошел на замену жесткого диска. Напрасно. Теперь на тетю из березовой рощи сбегалась смотреть вся фирма. Фотографии, отсканированные и пропущенные через компьютер, вышли из принтера с рогами.

Все замолчали. Все были культурные люди и не могли себе позволить. А тетя Регина могла.

– Я подам на вас в суд! – гордо сказала тетя. Румяная племянница молча улыбалась. Было понятно, что фирма проигрывает дело, гарантия еще не вышла. На директора лучше было вообще не смотреть. Боб Корицын, плотный весельчак, проходил мимо с отсутствующим лицом.

– Повремените недельку, – робко предложил самоуверенный Зимин. – Столько мучились, неделя ничего не решит.

А про себя подумал: «Молчаливая скво, помоги мне. Прости, что испортил твое фото. Я был жесток. Но мне грозит полный крах, молчаливая скво». Так он называл Фаю с фи-

олетовыми очами. Девушку, которая ушла от него из-за него и унесла полжизни.

– У кого вы купили дом, если не секрет? – в коридоре спросил он тетю Регину.

– Неважно. Богатый жулик, который просит с меня больше, чем договаривались. Видите ли, баня... Теперь ходит, замки грозит сорвать.

– Вы что, не заплатили за дом?

– Заплатила. Только это не ваше дело. Вы за собой смотрите.

– Не мое, конечно. Есть телефон или адрес?

– Не знаю.

Никто не видел, как в час рассветный золотой по березовой роще прогуливались двое. Но прогуливались они не просто так, а можно сказать, пробирались. По открытому месту шли быстро, перед окнами нагибались. Особенно долго они ходили вокруг нового особнячка, обшитого вагонкой. Один из них был Зимин, а второй – его приятель Фрэд, который держал в руках локационную рамку и изучал ее колебания.

– Не нравится мне ее правая сторона, – бормотал он. — Ежели он тут и не зарывал неугодных покупателей, то, все равно, тут трещина. Пусть уберет компик с этой половины. Понял? А баня-то где?

– Да вон там, наверно, за аллеей.

За аллеей тихо дымилась баня, которую подожгли только

что. И – ни бочки с водой, ничего. Крыльцо и предбанник пришлось закидывать землей.

– Слушай, я уж подумал, не ломает ли она компик нарочно? Нечистая сила какая-то. У меня тут одни взяли, туалетную бумагу в лазер загнали...

– И что лазер?

– Подавился лазер, японская точность, микроны...

Приятель Зимины – биоэнергетик, он-то и растолковал ему азбучную истину про энергетический разлом. На разломе дома строить – гиблое дело. Но, все равно, не все тут ясно... Девица эта, племянница, сидит тут со своими рентгеновскими улыбочками. Брр.

Так и замяли дело с березовой рошей. Тетя не пошла в суд, переселилась на левую половину, сделала генеральную перестановку и села, наконец, строчить свои статьи. У нее перестали пропадать тексты, кроме того, она решила докупить модем. Олеолеу, с ее витальной силой, временно жила у нее, дабы наладить энергетику.

Наглый Зимин стал другим человеком. История с разломом научила его некоторой осторожности. На груди Ван Дамма, который смотрит на Зимины со стены, появился маленький листок: «Стань элитой, закончи ВУЗ». Зимин теперь не соблюдает график выезда на природу, не стремится на ночные дискотеки, чтобы отлавливать девиц. Теперь у него нет паники, когда он один. Он понял, что быть одно-

му – еще не значит быть одиноким, как говорит известный рейнджер.

Зимин по-прежнему бороздит сеть, как Летучий Голландец. Периодически ныряет в поиск на всех ресурсах подряд. Найти человека. FAYA NUDGA! – пишет он в окошке, хотя вряд ли она откликнется. На аватарке картинку вставил – тридайменшен, она так любила эту трехмерную пестроту, а он теперь сам умеет их делать! Сделает и разглядывает.

А потом идет в администрацию кинотеатра, садится ждать Олеолеу с работы. Она все печатает, печатает, работяшка. Прямо, как он, когда ушла Фая. Методички там у нее, репертуар на месяц вперед, всякие пресс-релизы для газет.

Он тогда берется за толстую пружинистую косичку и сжимает в руке. Пока держит, слышит ее дыхание, видит пульс на шейке. Не видит только острый казахский прищур и с трудом сдерживаемую улыбку.

Люк

Он пришел... Почти три месяца недомолвок, недоговорок, непонимания. Только теперь все стало ясно. Вилма удивилась своей недогадливости. Достала утром из шкафа длинную трикотажную юбку и воздушный джемпер с объемным воротником. Поводя зябко плечами, еще укуталась длинным шарфом. Она была далека от желания прихорашиваться – привычно дуло от окна. На улице всё сверкало от солнца и голубизны внезапно открывшегося неба.

Когда столкнулись на вечере в «Ноктюрне», они даже не разговаривали – так, кивнули навстречу, обозначив, что, вот, она пришла, и, вот, он здесь. Он в тонком ассиметричном пиджаке с молнией и с легким перегаром, она – в длинной юбке и свитерке с объемным воротником, который скрывал плечи и подбородок. Плавая в человеческом водовороте, глазами не теряли друг друга из виду. И все. Еще через неделю или даже две совпала реакция: «Вот такие вещи меня выбешивают». – «Меня тоже». Полуулыбка, разведенные ее руки. Конечно, это мелочи. Но совпадение, даже в мелочах, не забывается.

Вилма заглянула теперь на его страницу в Фейсбуке. И тут же замерзла. Он писал письма прямо на стене: «Смотрел, как твои границы дозволенного стирались. Не могла? Теперь можешь, ты выгнула спину, почистила крестик.

Не спала? И теперь не будет спокойно вместе. Твои мысли, как запах Рив Гоше. Агилера пинает Гуччи за то, что он не Армани... Все в прозрачный пакет – вот душа. Для тебя. В крови лабутен на левой ноге, что истерла в погоне за прозрачным счастьем. Цветок в волосах. Не Кармен! Манекен. Холодишь. Выпьем за тебя. Я люблю тебя. Тебе можно со- врать. По-простому, без сложных конструкций. Я хочу те- бя. Опять вру. Ну, устрой же мне революцию! С длинных страшных ресниц-великанов твердые капли сыплются вниз. К лабутенам».

Пришлось сделать вид, что она этого не видела. Про себя она назвала его девушку Некармен и не осмелилась откликаться на текст. Да и вообще, девушка ее как-то не волновала. Вполне возможно, он ее придумал, чтоб казаться роковым. Ее женский опыт говорил, что особо больные на данный момент люди свой недуг замалчивают, а если говорят, значит, не смертельно.

А потом, где-то через месяц, на его стене появилось невыдуманное:

«Но была ли это любовь? Ощущение, что он хочет умереть возле нее, было явно преувеличенным: он тогда виделся с ней лишь второй раз в жизни! Уж не истерия ли это человека, осознавшего свою неспособность к любви и потому разыгравшего перед самим собой это чувство? К тому же его подсознание оказалось столь малодушным, что избрало для своей комедии всего-навсего жалкую официантку из за-

холустного городка, не имевшую почти никакого шанса войти в его жизнь! Теперь он стоял у окна и воскрешал в памяти ту минуту. Что это могло быть еще, как не любовь, которая вот так пришла к нему заявить о себе?»

Вилма оставила отметку эмпатии: «Да, это она».

Тогда ли они стали переписываться? Тогда ли удивили друг друга, что обоим близок Милан Кундера? И та запись на стене была цитатой из Кундеры.

«Ты что читаешь?» – «Невыносимую легкость бытия». – «Любимое». – «Но тот мир нельзя проецировать на наш. Ни в коем случае, слышите?» – «А я осмеливаюсь, Дагмар». —«Если только ради полета фантазии и гармонии в душе». – «Вот именно, Дагмар». – «А что делать, если я живу в другую эпоху?» – «Значит, экстраполировать! Может, этот роман поможет видеть в людях хорошее, Дагмар?» – «Далось вам это хорошее... Во мне полно черноты...»

Конечно, он сгущал краски. Такой молодой, высокий. Светлые волосы, тонкие черты лица. Кто он, этот европейский мальчик, приезжий? Ах, изРиги...

А может, гораздо позже, когда он надолго пропал из сети и не появлялся в «Ноктюрне». Этот культурный центр хоть и большой, но все ходят через холл, там не пройти незаметно.

Вилма мерзла так, что ее не спасали шубы и шарфы. Она писала длинную статью мемуарного характера. Подолу сидела ночью, пересматривала старые записи. Лампа освещала

ее, согревая, с одной стороны, а с другой – по-прежнему дуло от окна. Она очень уставала, и сны ей снились длинные, запутанные, и во сне не отдыхала она. Под глазами почернело, складки у губ стали резе. Годы давали о себе знать, седина проступала в русых волосах.

Она описала свой сон и поставила на стену в Фейсбуке маленький фрагмент. Ну, там, где во сне приходила мать. Чувство горечи запоздалое... Назавтра глянула – под ее ссылкой появилась его ссылка. Как быстро-то! Значит, заглядывает тоже.

Общим был не сюжет, а странное ощущение вины. Вилма писала машинально, занятая мыслями о незаконченной работе. Дышала на зябнущие пальцы. А Дагмар тоже писал машинально, занятый мыслями – не о работе, может, о Некармен. Они, как зыбкие ночные огни, мелькали на периферии друг друга.

И снова провал во времени и в пространстве. Он не появлялся. Снова уехал? Что он мотается туда-сюда? Где он работает, чтобы так мотаться?

Вилма сжала волю в кулачок и закончила мемуары. Теперь нужно искать место для публикации. У нее опять потерялась банковская карта. Откуда такая рассеянность? Непростительно же. Вечером он был в сети, но молчал. И так – еще насколько дней. Она почему-то рассердилась и тоже не захотела пойти на контакт. «Я не мог позвонить. Перевернулся на машине».

«Чего только не придумают люди, лишь бы не...»

Что значит: «не»? О чем это она?

Наверно, она оскорбила его недоверием. Какая, по сути, разница – перевернулся, не перевернулся? Он жив, вот что главное. Он уже начал говорить с ней по-человечески! Страшно подумать, ведь были же моменты понимания, и они оборвались. Далась ей машина дурацкая. А вдруг он в тот момент нуждался в сочувствии? Может, у человека горе? Или человек напился. Или тяжело заболел... Вилма открыла «Часовню», помолилась за чужого человека Дагмара. Он был ей никто... но молиться можно за любого человека. Даже если он тебя бросил. Даже если виртуально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.